

Гипуртек

Цивилизация одного дома

Тимур Бек

Цивилизация одного дома

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73568513

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятеро незнакомцев приходят в себя в идеальном Особняке. Здесь нет голода, боли или холода – Дом предугадывает любое желание, превращая жизнь в абсолютный комфорт. Но у этой утопии есть цена. Когда стены начинают дышать, а пол – растворяться в пиксельной пустоте, герои понимают: они здесь не гости, а сырьё для чьего-то эксперимента. Смогут ли они доверять друг другу, если даже книги в библиотеке начинают нашептывать их самые постыдные секреты? И что делать, если выход из симуляции окажется страшнее самой симуляции?

Тимур Бек

Цивилизация одного дома цивилизация одного дома

Начало было пустотой. Не чёрной, не белой, а никакой. Неопределённое, бесцветное Ничто, простирающееся до бесконечности. Оно не имело звука, запаха или ощущения. Только эта бескрайняя, абсолютная пустота, в центре которой, словно капля сознания, появился Особняк.

Он был построен не из камня и не из дерева, а из чистой, уверенной идеи роскоши. Трёхэтажный, с высокими арочными окнами, уходящими в бесконечное ничто, и крышей, покрытой не черепицей, а зеркально-гладким, тёмным материалом. В его архитектуре смешались поздний викторианский стиль, ар-деко и какой-то неуловимый, футуристический минимализм. Никаких следов подъездных путей, сада или забора – только Идеальный Дом, стоящий на небытии.

Стены дома были тёплыми, а внутри царил мягкий свет, не имеющий видимого источника.

Первой пришла в себя Лия. Она проснулась в Гостиной – огромном, залитом светом пространстве, доминирующем на первом этаже. Гостиная была образцом гармонии: кремовые диваны, хрустальный кофейный столик, ни одной лиш-

ней вещи. Вздрогнув, Лия обнаружила, что лежит на шёлковом ковре. Она подскочила, оглядываясь. Во рту – сухость, в голове – абсолютная пустота.

– Где я? – прошептала она. – И...кто я?

Единственная мысль, которая удержалась в сознании, была её имя: Лия. И острая необходимость анализировать. Она сразу заметила, что стены безупречно чисты, но, присмотревшись, обнаружила почти невидимые стыки, словно это не комнаты, а гигантские, подогнанные друг к другу плиты.

В другом крыле, в музыкальной комнате с роялем из чёрного дерева, проснулся Марк. Он был охвачен паникой. Ему снилось что-то ужасное, и, проснувшись, он немедленно почувствовал клаустрофобию.

– Выпустите меня! – закричал он, кидаясь к ближайшему окну. Окно было заперто, и за ним была лишь пустота.

Из-за его эмоционального всплеска мраморный пол под ногами Марка на мгновение дрогнул, а дверной проём, ведущий из комнаты, чуть сузился. Марк не заметил этого, но ощутил растущее давление.

Эмиль очнулся в библиотеке. Он лежал на старинном кожаном кресле среди тысяч книг в переплётках, пахнущих пылью и мудростью. В отличие от Марка, он не испугался, а почувствовал необъяснимое спокойствие.

– Всё будет хорошо, – пробормотал он, хотя не знал, что именно будет хорошо. Его первое движение было не к выходу, а к полке. Он взял книгу наугад. Текст был бессмыс-

ленным набором символов, но одно слово – «Гармония» – мелькнуло в его сознании.

На верхнем этаже, в спальне, проснулась Вера. Она лежала на огромной кровати с шёлковым балдахинном, но это не принесло ей покоя. Напротив, обилие роскоши вызвало у неё мгновенное подозрение.

– Это ловушка, – прошипела она. Она не помнила, кто она, но помнила, что роскошь всегда является прикрытием для контроля. Её первой мыслью было найти камеру или жуток. Она начала методично рвать шторы, ища скрытую электронику.

И, наконец, Кайл очнулся в оранжерее, примыкающей к задней стене особняка. Над ним был стеклянный потолок, полный тропических растений, которые идеально жили в искусственном микроклимате. Он не испытал ни паники, ни инстинктивного стремления к поиску выхода. Кайл медленно встал, осмотрел листья папоротников, потрогал влажную почву. Его первая мысль была не о собственной безопасности, а об эффективности системы: «Удивительная система жизнеобеспечения. Нулевые потери влаги». Он вынул из кармана пиджака (который был на нём, когда он проснулся) тонкий блокнот и стилус. Его имя, Кайл, пришло само собой. Он записал дату (неизвестную), время (неизвестное) и место.

– Начало наблюдения, – вывел он в блокноте.

Первые часы были временем хаотичного, инстинктивного исследования.

Лия вышла из Гостиной, её прагматичный разум искал функциональность. Она обнаружила, что прихожая, кухня и столовая, кажется, расположены в логичном порядке. Еда в холодильнике была свежей, разнообразной, но без этикеток, без указаний источника. Она не чувствовала голода, но отметила, что пища сама по себе является ещё одной аномалией – идеальной, не требующей приготовления. Она поднялась по широкой, но совершенно пустой лестнице, внимательно изучая стыки мраморных плит, из которых были сложены стены. Она искала трещины, пытаясь понять, как этот особняк был собран и какую невидимую силу он скрывает.

Тем временем Марк был захвачен чистой, неконтролируемой паникой. После того как дверной проём в музыкальной комнате сузился, его страх вырос до предела.

– Нет, нет, нет! Я должен выйти! – кричал он.

Он бросился из комнаты в коридор, который, казалось, тянулся бесконечно. Марк бежал, не разбирая дороги, открывая и захлопывая двери, ведущие в одинаково безупречные, но пустые спальни и ванны. Каждая закрытая дверь в его сознании была доказательством того, что он в ловушке. Он бежал, пока коридор внезапно не закончился, выводя его к широкому лестничному пролёту.

Его лёгкие горели, паника достигла апогея, и он, споткнувшись, тяжело рухнул на ступеньки. Он схватился рука-

ми за голову, его слёзы текли по лицу.

– Нет выхода! Нет выхода! Это нереально... – бормотал он. Его страх, как волна, ударил по структуре Дома. Ступени под ним слегка просели, приняв его вес и его отчаяние. В коридоре выше исчезла и тут же появилась новая дверь, ведущая в никуда.

В библиотеке Эмиль почувствовал это изменение: его плечи напряглись, а его жажда покоя усилилась. Он решил подняться, чтобы найти источник тревоги.

В коридоре второго этажа он наткнулся на Веру, которая, вооружившись бронзовым подсвечником из спальни, методично царапала обои, ища скрытые микрофоны.

– Остановись! – резко сказал ей Эмиль. – Ты разрушаешь его!

Вера вздрогнула и направила подсвечник на него.

– Кого «его»? – потребовала она ответа. – Ты один из них? Это тюрьма, а ты один из надзирателей?

– Я не помню, кто я, – ответил Эмиль, поднимая руки. – Но я чувствую... когда ты в панике, Дом становится... хрупким. Прекрати!

В этот момент, спускаясь сверху, подошла Лия. Она спустилась по лестнице, которая вела прямо к месту их спора.

– Он прав, – сказала Лия, её голос был ровным, без эмоций. – Я только что видела, как эта стена появилась из ниоткуда. Архитектура меняется. Мы здесь не одни.

Они втроём подошли к перилам и увидели внизу, в полумраке, скрюченную фигуру Марка.

– Чёрт возьми... – пробормотала Лия. – Это ещё один...

Они начали спускаться.

В это время Кайл уже закончил обход первого этажа. Оранжевая, столовая, кухня. Он не мог найти ни одной внешней двери. Он записал в блокноте: "Дом – закрытая система. Кажется, реагирует на внутренние стимулы. Необходимо наблюдение за субъектами."

Когда он вошёл в прихожую, чтобы подняться наверх, Дом, почувствовав его отстранённое любопытство, преподнёс ему подарок: в стене рядом с ним бесшумно открылась ниша, а в ней – пустой шкаф, заполненный идеально отсортированными, чистыми инструментами для исследования, включая лазерный дальномер и микроскоп. Кайл, не выражая удивления, просто взял дальномер и направился к лестнице.

Зайдя в библиотеку, Кайл решил проверить эффективность полученного им микроскопа. Он с упоением начал настраивать фокус, разглядывая структуру ворса ковра:

– Поразительно. – Пробормотал он, – десятикратное увеличение, и ни одной частицы пыли. Этот микроскоп – венец инженерной мысли.

Вера, наблюдавшая за ним из дверного проема, сжала кулаки до белых костяшек:

– Значит, тебе он выдал лабораторию по первому требо-

ванию? – её голос дрожал от сдерживаемой ярости. – А когда я просила обычный индикатор поля, чтобы понять, кто нас слушает, я нашла в ящике это.

Она швырнула на диван странный предмет, похожий на стетоскоп, но с кристаллическим наконечником.

– И что это? – спросила подошедшая Лия, опасливо косясь на прибор.

– Он не находит жучки в стенах, – Вера горько усмехнулась. – Но если приложить его к двери, когда вы шепчетесь, я слышу даже ваш пульс. Дом не хочет, чтобы я нашла *его*. Он хочет, чтобы я шпионила за *вами*. Он подкармливает мою паранойю, как цепную собаку.

Кайл оторвался от окуляра. Его взгляд стал холодным и аналитическим:

– Думаю, система дает нам инструменты согласно внутреннему вектору, Вера. Мой вектор – изучение мира. Твой – поиск врага. Дом просто оптимизирует процесс.

Кайл намеренно задержал взгляд на Вере чуть дольше, чем того требовали приличия, давая понять, что разговор окончен. Его раздражало это бесконечное человеческое трение – шумные страхи Веры, эмоциональные всплески Лии. Весь этот хаос мешал ему сосредоточиться на единственно важном: изучении структуры реальности, которая была буквально подставлена ему под микроскоп. Не желая больше тратить время на пустые пререкания и чувствуя, как внутри закипает холодное, расчетливое недовольство, он резко

захлопнул футляр с линзами и, не прощаясь, вышел из библиотеки.

Когда он вошёл в вестибюль, чтобы подняться наверх, он увидел Марка, сидевшего у подножия лестницы. Увидев в нём источник аномалии, Кайл не выразил удивления:

– Тихо, – спокойно произнёс Кайл, его голос был сухим и отстранённым. – Все ваши эмоции искажают данные.

В этот момент, с шумом и топотом, по лестнице спустились Лия, Эмиль и Вера.

Эмиль был впереди. Его желание восстановить равновесие было так велико, что он действовал почти инстинктивно. Он опустился на одно колено рядом с Марком, который всё ещё обхватывал голову руками, издавая низкие, прерывистые звуки. Эмиль осторожно положил руку на его плечо.

– Тихе. Всё хорошо. Ты в безопасности, – говорил он, обращаясь скорее к Дому, чем к Марку. Он пытался излучать спокойствие, чтобы нейтрализовать панику.

Лия встала чуть поодаль, сохраняя дистанцию. Её аналитический мозг не мог понять беспорядочные эмоции Марка, но она понимала их следствие – внезапное появление новой двери наверху, проседание ступеней. Она видела в Марке не человека, а угрожающую, непредсказуемую переменную. Она скрестила руки на груди, её взгляд переходил от Марка к архитектуре.

Вера была напряжена, как струна. Она держала бронзовый подсвечник, как оружие, и недоверчиво осматривала всех

троих: Эмиля за его подозрительное спокойствие, Лию за её холодную отстранённость и, конечно, Марка, чьё отчаяние казалось ей показухой или частью их «программы».

– Прекрати это нытьё! – резко сказала Вера Марку. – Встань и объяснись! Кто ты такой и кто нас сюда запер?

Поняв, что с Марком сейчас бессмысленно разговаривать, Вера раздраженно отошла в сторону.

В этот момент к ним подошёл Кайл. Он остановился в нескольких шагах, абсолютно равнодушный к эмоциональной сцене. В его руке лежал лазерный дальномер. Он поднял его и, игнорируя Веру и Эмиля, быстро навёл луч на угол между стеной и полом, где, как он подозревал, произошло движение, вызванное Марком.

Под мягким, успокаивающим воздействием Эмиля, Марк начал немного приходить в себя. Его рыдания стихли до прерывистого дыхания. Ступени под ним, словно отвечая на гармонию, которую пытался создать Эмиль, перестали ощутимо проседать.

– Мы не должны тратить время на эти... истерики! – рявкнула Вера, отталкивая Лию, чтобы встать по центру вестибюля. Подсвечник в её руке слегка дрожал. – Это не детский сад. Нас здесь заперли. Я – Вера. Вы! Быстро! Представьтесь! Кто вы и как вы здесь оказались?

Лия, скрестив руки, первой приняла вызов Веры.

– Я – Лия.

Кайл опустил свой дальномер, не отрывая взгляда от Ве-

ры, как от нового, непредсказуемого объекта наблюдения.

– Кайл.

Эмиль, не отпуская плеча Марка, кивнул.

– Меня зовут Эмиль.

Марк, с усилием подняв голову, прохрипел.

– Марк...

Вера обвела их взглядом, пытаясь найти хоть одну ложь.

– Хорошо. Теперь – откуда мы здесь? Отвечайте! Кто помнит, как вошёл в этот особняк?

Наступила неловкая, затяжная тишина. Лия нахмурилась, концентрируясь.

– Я помню только, что открыла глаза в гостиной. Имя – и место, – сказала она, и в её голосе прозвучало замешательство.

– И я. Я был в библиотеке, – подтвердил Эмиль.

– Я проснулась в спальне, – Вера почувствовала, что её теория рушится, и её гнев только усилился.

– Никто из нас не помнит, как мы попали в этот дом, – подытожил Кайл, записывая это наблюдение в свой блокнот. Его бесстрастный голос сделал факт окончательным. – Мы помним только свои имена и место, где проснулись. Это не личная амнезия. Это условие системы.

Лия прищурилась, в её глазах мелькнул чистый аналитический интерес. Слово «система» мгновенно захватило её внимание, отодвинув на второй план все её собственные планы по картографированию.

– Какую систему? – уточнила она, оценивая Кайла как наиболее надёжный источник данных.

Кайл не ответил сразу, он поднял дальномер и быстро, с хирургической точностью, измерил расстояние от пола до потолка, где ранее находился Марк.

– Систему, которая нас создала и поддерживает, – начал он, опуская дальномер. Его тон был ледяным и лишённым личностного отношения, словно он говорил о механизме. – Мы все проснулись в разных местах. Каждый из нас помнит только имя. Мы не помним, как сюда попали. Это идеальная, контролируемая амнезия, не результат травмы.

Эмиль бросил взгляд на идеально сервированный стол. Свежие фрукты, пар, поднимающийся от чашек – всё выглядело как натюрморт, созданный за секунду до их прихода.

– Вам не кажется это странным? – тихо спросил он. – Мы здесь уже вечность, но никто не проголодался по-настоящему. Мы едим, потому что помним, что должны это делать.

Кайл поднял взгляд от своего дальномера и продолжил свою мысль:

– У меня есть предположение, что Дом не дает нам ослабнуть физически, потому что истощенный мозг выдает скудные реакции. Ему нужны наши пики: гнев, страх, страсть. Понимаете? То есть, как только мы привыкнем и успокоимся, еда исчезнет. Или стены начнут сжиматься, пока кто-то из нас не закричит. Мы – не гости, Эмиль. Мы – сырьё, которое должно оставаться свежим.

После объяснений Кайла наступила тишина. Все обдумывали его слова. Даже Марк, притихший под рукой Эмиля, словно прислушивался к самой идее. Гипотеза была абсурдной, но пугающе логичной в этой нелогичной обстановке.

Лия кивнула, её взгляд стал отстранённым: она уже начала переводить наблюдения Кайла в формулы, пытаясь предсказать следующий архитектурный сдвиг. Эмиль сосредоточился на Марке, опасаясь, что любой новый всплеск эмоций может быть фатальным.

Но Вера не могла этого принять. Идея о том, что они сами – причина своего заточения, противоречила её инстинкту бунтарства и поиску внешнего врага. Это был психологический трюк.

– Всё это бред! – Вера резко опустила подсвечник, который с глухим стуком ударился о мраморный пол. – Мы не в каком-то романе о самопознании! Нас заперли, и я найду того, кто это сделал!

Она подошла вплотную к Кайлу, её лицо исказилось от презрения.

– Ты просто пытаешься взять нас под контроль своей псевдонаукой! Если этот Дом реагирует на эмоции, докажи!

Не дожидаясь ответа, Вера, полная решимости опровергнуть его теорию, развернулась и, подскочив к Марку, резко схватила его за плечо.

– Смотри на меня! – Вера приближала лицо к его испуганным глазам. – Здесь, в коридоре, сейчас появится огром-

ный, злой паук! Он размером с собаку, и он ползёт сюда по стене, чтобы тебя укусить!

Марк, только что успокоенный Эмилем, издал животный, пронзительный вопль ужаса. Его глаза расширились, и он оттолкнул и Веру, и Эмиля, пытаясь вскочить.

В этот момент реакция Дома была мгновенной и ужасающей. Не было ни грохота, ни треска. Мраморный пол вестибюля не рухнул – он испарился. Бесшумно, словно оттаявшая восковая маска, он растворился в небытии, оставив за собой лишь окаймлённые идеальным срезом края стен и лестницы. Под ними не было ни подвала, ни земли. Открылась дыра в самой концепции реальности, бездонная, пульсирующая пустота, от которой исходило ощущение абсолютного Отсутствия.

Герои оцепенели от ужаса. Марк соскользнул, и его крик захлебнулся в нахлынувшей тишине. Первой опомнилась Лия. Она вцепилась в его запястье, чувствуя, как её тянет следом.

– Держу! – Эмиль рухнул на колени позади неё, обхватив Лию за пояс.

Он ожидал, что они по инерции съедут в бездну, но реальность под его ногами вдруг изменилась. Паркет под его ботинками перестал быть деревом. Он стал неестественно, почти болезненно твердым, словно пространство вокруг дыры превратилось в сверхплотный кристалл. Воздух стал вязким, мешая движениям, но именно эта внезапная «замороз-

ка» физики позволила им устоять.

Края провала больше не походили на разлом в полу. Они вибрировали, расплываясь, как пятна бензина в воде. Марк висел над ничем, и Лия с ужасом видела, как подошвы его ботинок, касающиеся края этой пустоты, начинают дробиться на мелкие черные кубы, которые тут же бесследно исчезали в серой статике.

– Не смотри вниз! – прохрипел Эмиль. – Здесь нет низа! Просто тяни!

Совместными усилиями они начали вытягивать Марка. Его тело, обмякшее от ужаса, казалось невыносимо тяжёлым.

В этот критический момент, когда Марк уже почти сорвался, Кайл молниеносно отреагировал. Он бросил свой дальномер, шагнул вперёд и, не говоря ни слова, резко схватил Лию за плечо, стабилизируя всю цепь. Его хватка была сильной и точной. Он не помогал эмоционально, он просто стабилизировал рычаг.

Благодаря этой внезапной опоре, Лия и Эмиль смогли сделать последний, решающий рывок. Марк вывалился из пропасти, рухнул на безопасный мрамор и начал судорожно вдыхать воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.